

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Михаил Ланцов

МАРШАЛ ПОБЕДЫ

Освободительный поход «попаданца»

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКМО»
2015

УДК 82-344
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Л 22

Оформление серии *П. Волкова*

В оформлении переплета использована
иллюстрация художника *П. Ильина*

Ланцов, Михаил.

Л 22 Маршал Победы. Освободительный поход
«попаданца» / Михаил Ланцов. — Москва : Яуза :
Эксмо, 2015. — 320 с. — (Военно-историческая
фантастика).

ISBN 978-5-699-77955-0

НОВЫЙ фантастический боевик от автора бестселлеров «Маршал Советского Союза» и «Маршал Сталина»! Наш человек в Кремле и Генштабе. Оказавшись в теле обреченного маршала Тухачевского, «попаданец» не просто избегает расстрела, а становится «правой рукой» Вождя.

Удастся ли ему предотвратить катастрофу 1941 года? Сможет ли СССР не только разгромить Гитлера, но и принести возмездие тем, кто натравил «бесноватого фюрера» на Россию? Где закончится Освободительный поход Красной Армии — в Берлине или Лондоне и Вашингтоне? Станет ли маршал Тухачевский Маршалом Победы?

УДК 82-344
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

© Ланцов М.А., 2015
© ООО «Издательство «Яуза», 2015
ISBN 978-5-699-77955-0 © ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ПРОЛОГ

Уинстон Черчилль сидел в своем кресле и вдумчиво курил сигару. Большая война началась, но, видит бог, он слишком многое в ней не понимал. И то, что казалось раньше просто совпадениями, выросло в закономерности. Что-то он упустил. Что-то чрезвычайно важное.

— Сэр, — в кабинет заглянул, постучавшись, верный, старый слуга, — к вам лорд Иден.

— Зови, — тихо произнес Черчилль. «И этого нелегкая принесла, — пронеслось в голове у премьер-министра. — Опять на какие-нибудь дурные авантюры подбивать будет».

— Добрый день, — поздоровался министр иностранных дел. — Рад вас видеть в здравии. А то по Кабинету ходят самые разнообразные слухи.

— Кабинет министров для того и создан, чтобы по нему ходили слухи, — пренебрежительно произнес сэр Уинстон. — Иногда мне кажется, что ни на что большее он не способен.

— Ну что вы, сэр, — сразу стал юлить лорд Иден.

— У вас ко мне дело? — обрубил его Черчилль.

— Да, сэр, — кивнул министр иностранных дел. — Вы позволите?

— Присаживайтесь, — небрежно и вяло кивнул Уинстон Черчилль.

— Сутки назад мне доставили пакеты от наших советских агентов. Благо, что нападение Рейха на Союз открыло перед нами новые возможности.

— Ближе к делу, сэр.

— Конечно, — снова кивнул лорд Иден. — Последние месяцы мы считали очень важной фигурой Тухачевского, иногда возводя его в ранг злого гения и демиурга. Но вскрылись новые сведения. Дело в том, что в НКВД есть несколько проектов, находящихся под чрезвычайным контролем. Несмотря на весьма немалый допуск, наши агенты практически ничего не смогли узнать кроме того, что Тухачевский, судя по всему, просто верхушка айсберга.

— Что вы имеете в виду?

— Союз, как и Рейх, увлекся мистикой.

— Сеансы спиритизма? — усмехнулся Черчилль.

— Один черт знает, что они там делают, — пожал плечами лорд Иден. — Однако факт остается фактом. После вскрытия гробницы Тимура к ней была выставлена такая охрана и предприняты такие меры безопасности, что диву даешься. О том, что там обнаружили Советы, у нас даже нет никаких догадок. Кроме того, мы узнали о существовании некоего объекта «Альфа-3» на территории, прилегающей к зоне падения Тунгусского метеорита, или что там упало. Огромный периметр оцеплен. Все население выселено. Проходят солидные переводы средств. Строится железная дорога. Часть

ученых отправлена туда в командировку, да так там и осталась.

— Совсем никто не вернулся?

— Только несколько ученых, но они очень напряженно реагируют на расспросы. Они то ли чем-то напуганы, то ли кем-то.

— И что нам дают эти сведения?

— Несколько выводов. Главный из них довольно прост — у Союза появился источник информации и технологий. Вы же видели отчет об их новых самолетах, танках и прочем вооружении. Ничего удивительного, но... по отдельности. Да и с другими направлениями что-то неладное творится.

— Какую роль во всем этом играет Тухачевский? — уже заинтересованно спросил Черчилль.

— Я полагаю, он нужен для отвода глаз. Гениальный маршал на виду у всех. Его охрана просто поразительна.

— А вы не думали о том, что лучше всего прятать вещи, положив их на виду у всех?

— Думал, но не сходится, — пожал плечами лорд Иден. — Мы проанализировали все сведения, которые имели об этом маршале, и выходит какой-то бред. До конца тридцать пятого года он был самым обычным советским маршалом, ничем особенно не выделяющимся, — очень скромно образованный, заносчивый и чрезвычайно амбициозный. А потом его словно подменили. Кардинально.

— Может, и правда подменили?

— Маловероятно. Кто-то заинтересованный заказывал несколько раз его биометрию во время

прохождения лечения в госпитале. Видимо, те же мысли возникали.

— Вот как? — вскинул брови Черчилль. — Это значит, что кто-то в высшем руководстве Союза не в курсе ситуации.

— Именно так, — кивнул лорд Иден. — Дела там совершенно темные. Однако нам ясно одно — русские что-то нашли, это что-то им очень сильно помогает, и они его оберегают как зеницу ока.

— Какие могут быть варианты?

— Если отбросить здравый смысл, то может быть все что угодно. От каких-то технологий древних до контакта с инопланетными цивилизациями. Или еще что-то. В голову только какой-то бред лезет.

— Очень странно, — чуть пожевав сигару, произнес Черчилль. — Хорошо, будем исходить из того, что нам известно. У Советов есть некий источник информации. Они им дорожат и всемерно пытаются скрыть. Зачем? Если он находится на их территории, то как мы сможем до него дотянуться?

— Это говорит о том, что они считают, что мы сможем дотянуться. Либо о том, что источник может каким-то иным способом оказаться доступен нам.

— И Тухачевский тут выходит, как говорят русские, свадебным генералом для отвода глаз?

— Иначе не получается. Он физически не мог поменять себе разум. А тут просто кардинально иной человек выходит.

— Кстати, а почему Союз скрывает этот источник от своих? Ведь, судя по найденной вами информации, о нем знают не все.

— Внутрипартийная борьба, — пожал плечами лорд Иден. — Партия ведь неоднородна. Вот и грызутся.

— Разумно, — кивнул Уинстон Черчилль. — И что вы предлагаете?

— Полагаю, что Тухачевский кроме роли свадебного генерала нужен еще и в качестве приманки для нашей разведки. Поэтому его лучше просто не трогать. Вообще. У нас и так мало агентов в Союзе. Совершенно незачем их так неразумно терять. А вот с охраняемыми объектами большой вопрос. Нам нужно выяснить, что там находится. Пусть даже частично. Воздушная разведка мало что даст. Выдвигать своих людей тоже чрезвычайно рискованно.

— И?

— Поэтому я предлагаю через Канариса передать эту информацию Гитлеру. В конце концов объяснить появление английских разведчиков возле этих объектов мы не сможем, а немецких — вполне. Они не вызовут ни у кого лишних подозрений. Заодно это поможет адмиралу оправдаться за провал первых дней войны. Поговаривают, что Гитлер в ярости. Канарис усидел в своем кресле чудом.

— Хорошо, — кивнул Уинстон Черчилль. — Действуйте. Но о каждом шаге докладывать мне.

ЧАСТЬ 1. ПЕРВЫЕ РАСКАТЫ ГРОМА

Если человек не оправдывает наших ожиданий, виноват не он, а наши ожидания.

ГЛАВА 1

26 мая 1941 года. Варшава. Красивый особняк, занятый под нужды ОКХ

Гальдер задумчиво курил, наблюдая за тем, как струи дыма уплывают вверх, превращаясь под потолком в какое-то сплошное марево. Война началась совсем не так, как они предполагали. Нет, в глубине души он понимал, что Канарис всех водил за нос, но масштаб предполагаемой трагедии его совершенно выбивал из колеи и лишал работоспособности. Да что уж стесняться, вся эта война стала превращаться в грандиозную трагедию буквально с первых минут.

Никакого безумного и тупого сопротивления сумасшедших фанатиков не наблюдалось. Напротив, советские войска вели себя на удивление странно. Не ввязываясь в долговременные перестрелки, пограничные войска били и отступали, устраивая бесконечные засады, взрывали мосты, минировали дороги, броды и переправы. В общем, делали все для замедления продвижения войск. И эти бесконечные спорадические обстрелы, наводящие настоящий мор на офицеров и водителей автомо-

билей всех мастей? Войска с огромным трудом продвигались вперед, буквально продираясь через неподатливое тело Советского Союза. И стремительно выдыхались, теряя с каждым часом, с каждой минутой силы и волю к победе. Но если бы так было печально только на земле, еще можно было смириться, но в воздухе дела складывались не лучше, мягко говоря. Хваленые Люфтваффе не стали лучше со времен Французской кампании... совсем. Да и у русских откуда-то взялись весьма многочисленные самолеты, превосходящие по возможностям на голову, а то и на две весь германский авиапарк.

По всему было видно, что их ждали и очень хорошо готовились. Причем умно, выставляя себя дурачками. А на деле-то вон оно как вышло. Чего стоили их цельнометаллические старые истребители. Ведь ввели же они в заблуждение всех в ОКХ? Ввели. А танки на параде в Варшаве? Никто и подумать не мог, что на самом деле против Польши Союз применяет старье, накапливая новейшие машины.

Гальдеру было больно и стыдно за свою страну, за свой народ, за армию, которой его поставили командовать. Теперь, на одиннадцатые сутки войны, он уже понимал, что ни о какой быстрой победе речи идти не может. Да и вообще о победе. Если их так встречают пограничники и летчики, то что будет дальше? Когда его дивизии дойдут до частей первого эшелона, в тылу у которых уже развернется второй эшелон, а на подходе окажется третий. Прекрасно вооруженные и неплохо обу-

ченные бойцы... как это было не похоже на все то, что рассказывал этот адмирал. И на то, что генерал сам знал о Союзе. Он понимал, что СССР стремительно меняется, но не мог даже предположить масштаб изменений. Одни цельнометаллические самолеты чего стоили. А ведь еще пять лет назад алюминиевые сплавы в Союзе являлись страшным дефицитом. Или высокооктановый бензин? Пять лет назад его просто не было, а сейчас он лучший в мире.

Начальника ОКХ не отпускало ощущение нереальности происходящего. Бреда. Какого-то фантастического повествования. И лишь рапорты, приходящие с изрядной регулярностью, заставляли принимать творящуюся фантасмагорию как данность.

Адъютант доложил о прибытии Гудериана.

— Вижу вы не рады такой замечательной погоде? — вместо приветствия произнес входящий Хайнц.

— А вы чему радуетесь? Или можете похвастаться тем, что ваши танки уже достигли Москвы?

— Москвы не Москвы, но кое-что уже наметилось.

— Вот как? — оживился Гальдер. — А то эти рапорты меня совершенно в тоску загнали.

— Мои передовые разведгруппы смогли нащупать некоторые очаги обороны первого эшелона. Это значит, что скоро так доставший нас ад с этими бесконечными засадами, обстрелами и минами должен закончиться.

— Вы полагаете?

— Уверен. Вы не хуже меня знаете, что у русских главной слабостью было время стратегического развертывания. Мы хотели этим воспользоваться. Они придумали способ нам помешать. Все вполне разумно. Другой вопрос, что эти пограничники, досаждающие нам своей партизанской деятельностью, устали не меньше наших солдат. И вряд ли у них есть кто-то на замену. Да и территорию нужно подготовить. Я полагаю, что они откатятся вместе с линией фронта за оборонительные позиции. Хотя, вероятно, какая-то часть останется у нас в тылу. Но это уже забота СС. Надеюсь, вы не решитесь продвигать в жизнь этот мутный приказ Кейтеля?

— Вынужден. Он завизирован Гитлером и обязан к исполнению. Но, согласен с вами, армию эта глупость будет разлагать чрезвычайно. На днях я иду на доклад к фюреру и попытаюсь его убедить в том, что пока подобные меры преждевременны. Хотя надежды никакой. Наш добрый ефрейтор буквально с ума сошел в последние дни. Так сильно переживает скромность наших успехов.

— Ему нужно уже привыкнуть, — усмехнулся Гудериан.

— Так вы вышли к передовым позициям первого эшелона? Как организована оборона?

— Сплошной линии фронта, как во Франции, нет. Однако грамотно расположенные распределенные узлы обороны даже опаснее. Тем более что они, насколько мы смогли выяснить, неплохо замаскированы. Кроме того, много наблюдателей и корректировщиков. На нас довольно скоро наве-

ли артиллерию и вынудили отойти. Мы даже толком не смогли попробовать на зубок их оборону. Кроме того, я полагаю, что огневые точки расположены не в одну линию, а в некоем порядке, позволяющем им прикрывать друг друга.

— А воздух? Он помог вам?

— Что воздух? — улыбнулся неунывающий Гудериан. — Вы сами не хуже меня знаете, что воздух контролируют русские. Ситуация напоминает Францию, только много хуже. По мне так я прямо сейчас попытался бы с ними замириться. Эта война ничем хорошим не закончится. В моем корпусе уже десять процентов личного состава убыло. Двадцать три танка безвозвратно потеряны, причем семнадцать сгорели из-за чертовых зажигательных пуль, а остальные уничтожены авиацией противника или подорвались на минах. С автотранспортом ситуация еще хуже. Тридцать процентов грузового парка ушло в утиль. Каждый второй водитель убит или убыл по ранению. Инженеров хорошо если треть осталась. Только строевым пока относительно спокойно живет. Но это пока. Чувствую, что при попытке взять тупым лобовым ударом позиции первого эшелона РККА мы там кровью умоемся.

— У вас есть предложения?

— А они нужны? — повел бровью Гудериан. — Насколько я знаю, фюрер уже принял решение, и мнение каких-то там генералов его не интересует.

— Но я его могу попробовать донести. Всякое бывает.

— Штурм советских позиций — очень дурная затея, потому что они там, по всей видимости, хорошо окопались. По крайней мере, с ходу атаковать не стоит. Нужно провести разведку. Потихоньку их прощупать. Подтянуть тяжелую артиллерию. И только потом начинать. Причем без штурмовых отрядов в духе тех, что в нашу юность сражались на Западном фронте, нам не обойтись. Пытаться взять танками такую оборону — есть прекрасный способ их потерять. Я уверен в том, что противотанковых средств там достаточно. Поэтому Панцерваффе нужно будет вводить только во вскрытый пехотой прорыв либо дальше пытаться нащупать слабость стыка частей и бить туда, надеясь на плохую согласованность...

Первого июня 1941 года генерал Гальдер был отправлен в отставку с поста начальника ОКХ, уступив оный Кейтелю прямо на совещании у Гитлера.

ГЛАВА 2

2 июня 1941 года. К западу от Луцка

Василий летел на очередное задание, ощущая легкий мандраж, от которого он никак не мог избавиться. Командир эскадрильи. Боевой летчик-истребитель, у которого на личном счету свыше трех десятков самолетов противника. Но все равно переживал так, словно это первый бой.

Его могучий истребитель мерно рассекал воздушный океан наравне с еще двумя дюжинами таких же машин, идущих на перехват немецких